
ИМПЕРСКИЙ
СЫСК
От Евгения Сухова

Воровской дозор

ЭКМО
МОСКВА
2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С91

Сухов, Евгений.

С91 Воровской дозор / Евгений Сухов. — Москва : Эксмо, 2015. — 320 с. — (Имперский сыск от Евгения Сухова).

ISBN 978-5-699-79742-4

Виртуозный карточный шулер Потап Феоктистов обыгрывает очередного «клиента» и получает в счет долга подлинную картину Рембрандта. Преступник берет в руки бесценное полотно и мгновенно и навсегда заражается страстью к коллекционированию. Всю дальнейшую жизнь Потап посвящает собирательству и через тридцать лет становится обладателем одной из самых дорогих коллекций в мире. Он богат и счастлив. Но однажды жизнь Потапа рушится. Неизвестные взламывают его хранилище и выносят самые ценные экспонаты. К поискам шедевров подключаются МУР и Интерпол, но и сам Потап не сидит на месте. Он летит в Лондон в надежде обнаружить свои картины в местных аукционных домах. В британской столице его уже ждут. Ждут, чтобы убить...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-79742-4

© Сухов Е., 2015
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

ГЛАВА 1

Двадцать пять лет назад, или Следственный изолятор

Первое, что ощутил Потап Феоктистов, перешагнув порог следственного изолятора, — это тяжесть в коленях, потом пришла спасительная мысль: «Я здесь ненадолго! В ближайшие часы во всем разберутся, и меня отпустят». Его повели по длинному коридору, в котором гулкое эхо отсчитывало каждый пройденный шаг; свернули налево, где в затемненном тупичке уперлись в мрачную металлическую дверь, за которой раздавались приглушенные голоса. Звонко лязгнул замок, и Потап прошел в камеру, слегка согнувшись под грузом многих взглядов. За спиной, подводя черту под прошлое, раздался грохот закрываемой двери.

— Как звать? — вышел из толпы худенький молодой мужчина лет тридцати с передними золотыми зубами.

— Потап.

— Первоходок?

— Да.

— Я — «смотрящий» хаты, «погоняло» Кузьма. В общем, так, народу нас здесь много, спим в три смены. Пока можешь присесть вон на ту шконку... — показал он взглядом на свободное место. — А там по ходу все растолкую. Ну, чего стоишь, входи! Ты здесь уже не гость.

Долгожданное освобождение затягивалось. Сначала прошел один месяц, за ним тягуче потянулся другой. О его существовании позабыли. Через полгода камера обновилась полностью, и Потап, вместе с Кузьмой, сделался старожилом хаты.

В этот же день, ближе к обеду, вместе с тремя заключенными в камеру вошел невысокий седой худощавый мужичок. Его большая голова с оттопыренными ушами, державшаяся на тонкой, будто спичка, шее, выглядела несуразной. Серое неприятное лицо покрывали застарелые рубцы от шрамов и оспяных болячек. Он перешагнул порог последним, громко поздоровавшись со всеми сразу, ненадолго задержался у входа, словно остерегаясь какой-то серьезной неприятности, и, убедившись в отсутствии таковой, уверенно шагнул вперед.

В камере, признав в нем старшего, заметно притихли.

— Я за вора, — твердо проговорил седой, — «погоняло» Елисеич.

ГЛАВА 2

Ограбление, или Разбитая ваза

Толокнов Андрей Васильевич, главный редактор журнала «Мир искусства», щелкнул мышкой и уперся взглядом в появившееся изображение. С монитора на него смотрело крупное лицо пятидесятилетнего мужчины с тонкими седеющими усиками на широкой губе. Волосы черные, с редкой проседью, делавшие его заметно моложавее, в правом уголке рта застыла снисходительная усмешка. У него была весьма располагающая внешность, какая встречается у потомственных интеллигентов. С такой внешностью можно возглавлять какую-нибудь частную клинику, работать в областной администрации, заведовать кафедрой престижного вуза. Странность заключалась в том, что за плечами у этого человека — восемь лет строгого режима, но представить его в арестантской робе среди фиксатых заключенных с наколками по всему телу было невозможно.

Он считался одним из известнейших коллекционеров итальянской и фламандской школы живописи, чье

собрание было внесено едва ли не во все значительные каталоги мира. Звали этого человека Феоктистов Потап Викторович. В кругу коллекционеров его давно называли легендой, что никак не проявлялось внешне: держался он сдержанно и весьма скромно.

Месяц назад Андрей Васильевич стал свидетелем того, как заезжий американец пытался купить у Феоктистова три миниатюры фламандской живописи, но он отказался от предложенных денег, на которые можно было бы выстроить целый дворец. В этом отказе имела своя сермяжная правда — зачем человеку царские хоромы, когда он долгие годы привык довольствоваться самым малым: узкой шконкой и пайкой от хозяина.

Еще Феоктистова отличала какая-то врожденная интеллигентность, весьма заметная при тесном общении. Он напоминал аристократа давно ушедшей эпохи. Мягкость интонаций тут ни при чем, хотя присутствовало и это, просто Потап Викторович при тесном общении превращался в весьма милого и остроумного собеседника, какие редко встречаются в повседневной жизни. Он обладал большим кругозором, прекрасно разбирался в истории и даже писал какие-то научные статьи о Наполеоне и Бисмарке.

Но сейчас, вчитываясь в раскрытый файл и переворачивая одну страницу за другой, главный редактор все более поражался масштабу личности Феоктистова. О нем захлеб писали едва ли не все крупные европейские издания, занимающиеся искусством и живописью. Его неизменно запечатлевали на фоне собранных раритетных картин, называя крупнейшим коллекционером современности (собственно, так оно и было в

действительности). Одно из изданий, сумевшее копнуть его биографию поглубже, иллюстрировало статью двумя фотографиями тридцатилетней давности, где Феоктистов был заснят анфас и в профиль, как обычно делают в пениитарных учреждениях, на фоне грубоватой линейки, нарисованной прямо на стене тюремной камеры.

Автор статьи был известный российский журналист, прекрасно разбирающийся в криминальной тематике. Умело жонглируя словами, как иной артист цирка полыхающими факелами, он, не опасаясь обжечься, вставлял воровскую «феню» в грамотный текст, отчего статья получала еще большую достоверность и выигрывала в наглядных образах. Выяснялось, что за годы строгого режима Феоктистова не удалось сломать (хотя желающих было предостаточно): он неделями сиживал в карцере, простужал почки, терял в драках зубы, а однажды на одной из пересылок заполучил подлый удар в спину заточкой, после которого едва выжил. А на поселении, куда он был отправлен незадолго до своего освобождения, выиграл в карты голландскую миниа-тюру, положившую начало его коллекции.

В «Таймсе» Феоктистову был посвящен целый разворот, и журналист, специализировавшийся по искусству, захлеб рассказал о его знаменитой коллекции, не позабыв упомянуть о восьмилетнем заключении в Нижнем Тагиле. Однако из всего прочитанного оставалось совершенно непонятным, каким образом вчерашний каторжанин через несколько лет превратится в весьма влиятельного коллекционера. И самое главное — откуда он брал деньги на свое дорогостоящее хобби. Ведь не кистенем же добывал их на раритеты!

Потап Феоктистов слыл весьма любопытной личностью, и корреспонденты по крохам добывали информацию о его частной жизни. Последний раз он давал интервью шесть лет назад какому-то провинциальному репортеру, где в коротком разговоре поведал о тюремном сроке, добавив, что судимость давно погашена. Но вопросов к Феоктистову оставалось немало, и журналисты, не стесняясь быть непонятыми, выведывали о нем крупницы правды у соседей и немногочисленных друзей.

Не рассчитывая на успех, Толконов позвонил Потапу Викторовичу в надежде взять у него обстоятельнейшее интервью и был несказанно рад, когда тот ответил согласием.

— Знаете, я ведь являюсь одним из самых верных подписчиков вашего журнала, — мягким голосом произнес Феоктистов, — и буду весьма рад с вами пообщаться.

— Когда вы сможете? — едва сдерживая нетерпение, спросил Андрей Васильевич. — Может, завтра?

— Давайте послезавтра, Надя, это моя жена, как раз поедет на дачу, и я буду предоставлен сам себе.

— Где мы проведем интервью: у вас или в редакции?

— Давайте лучше в редакции, — после некоторой заминки решил Феоктистов.

— Как вам будет удобнее... Может, за вами прислать машину?

— Не нужно, я доберусь сам.

На том и сговорились.

От встречи с Феоктистовым Андрей Васильевич ожидал многого, самое главное, ему хотелось про-

яснить некоторые белые пятна в его биографии, которые наверняка будут небезынтересны читателям, именно тогда они в полной мере смогут оценить масштаб его личности. Главный редактор волновался перед предстоящей беседой, как школьница перед первым свиданием.

Он еще раз внимательно всмотрелся в фотографию молодого Феоктистова. Пожалуй, человек с таким взглядом может разломать тяжелую табуретку о голову неуступчивого оппонента. Вот только взгляд его с годами становился все более мягким, пока, наконец, не расплавился совсем, превратив его в эдакого понимающего добродушного мужичка. Но ясно одно — в местах заключения спуску он никому не давал и, уж тем более, никого не боялся. Оставался таковым и по сей день: у волка могут выпасть зубы, может облезть шерсть, но вот характер останется прежним.

Андрей Васильевич нервно посмотрел на часы. Феоктистов опаздывал уже на пятнадцать минут, а ведь все единодушно уверяли, что тот славится своей невероятной пунктуальностью. Очевидно, должно было произойти нечто из ряда вон выходящее, чтобы он задержался.

Не изменяя заведенной привычке, Потап Викторович проснулся ровно в полседьмого утра, причем ему не нужно было заводить будильник, он всегда просыпался в одно и то же время — где-то в коре головного мозга были встроены биологические часы, заставлявшие открывать глаза с ударом минутной стрелки. Даже если бы он захотел снова уснуть, у него вряд ли бы получилось, а потому не стоило терзать себя бессмысленными попытками забыться, следовало подниматься.

Феоктистов открыл глаза с тревожным ощущением. Оно возникало всегда, когда судьба вдруг совершала непредсказуемый поворот. Возможно, щемящее чувство появилось оттого, что сегодня ему предстояла встреча с главным редактором «Мира искусства».

К предстоящему событию следовало подготовиться: Потап Викторович тщательно побрился, надушился дорогим парфюмом и облачился в лучший костюм. В праздном облачении подарки судьбы воспринимаются еще ярче, а ее удары выглядят менее ощутимыми. Главный редактор Толокнов намеревался взять у него подробнейшее интервью о его непростой (как он выразился) жизни, включая тот период, когда пришлось гнуть спину на «барина» в колонии. Толокнов даже прислал предварительный вопросник, где полюбопытствовал о финансовых источниках его коллекции. А также интересовался, с каких именно картин началось его знаменитое собрание фламандской живописи.

Потап Викторович невольно улыбнулся: «Чуждак человек, неужели он всерьез рассчитывает услышать правду?» Ему, как никому другому, должно быть известно, что столь значительные коллекции не собираются праведным путем, чаще всего это происходит через откровенный криминал, и чем значительнее произведения, тем крупнее преступление. Весь вопрос состоит лишь в том, сколько при этом крови налипло на костюм коллекционера.

Пожалуй, серьезным собирателем он стал в тот момент, когда ему предложили картину Лукаса Кранаха Старшего «Венера и Купидон», и Феоктистов, не раздумывая, отдал за нее большие деньги. Накатившие воспоминания заставили его подойти к огромному, в

два метра высотой, полотну. На нем была запечатлена зрелая обнаженная длинноногая женщина с каштановыми волосами, тонкими ручейками спадавшими на ее высокую грудь. Позади нее стоял золотокудрый мальчуган, готовый выпустить заточенную стрелу куда-то прямо перед собой, вот только женщина, еще не готовая к любви, слегка придерживала его правой рукой.

Феоктистов невольно залюбовался ее зрелым совершенным телом. Всем своим обликом богиня напоминала ему женщину, с которой он был некогда близок, правда, это было очень давно, еще до Надежды, и он ни разу не проговорился о своей давней возлюбленной. Но супруга, кажется, догадывалась о его особенных чувствах к картине и относилась к ней с неприязнью, не иначе как ревновала мужа к увядающему прошлому.

Сейчас Надя находилась на даче. В какой-то момент ее привязанность, которой он тяготился долгие годы, вдруг переориентировалась на цветы, и Потап Викторович, получив значительное личное пространство, большую часть своего времени посвящал походам по антикварным магазинам и выставкам, где подбирал кое-что интересное и для себя.

Феоктистов был из той редкой породы людей, которым в жизни доставалось все самое лучшее. Если влюблялся, так непременно в первых красавиц, умевших блистать и завоевывать всеобщее внимание (надо отдать судьбе должное, женщины отвечали ему взаимностью). Если он чем-то занимался, то стремился в своем деле достичь потолка (иначе не стоило и заниматься). Свою первую криминальную профессию — карточный шулер — он оставил, осознав в какой-то

момент, что добрался едва ли не до самой вершины, откуда уже некуда было расти. Именно в этот момент ему подвернулся его величество случай: один из клиентов вместо денег поставил на банк небольшую картину фламандских живописцев (как выяснилось впоследствии, оказавшейся полотном Рембрандта «Ночная стража»). Выиграв картину, Потап всерьез заинтересовался живописью и вот уже более тридцати лет не мог остановиться. Так что и в коллекционировании он предпочитал взбираться на «восьмитысячники», собирая исключительно лучшее. Венцом его коллекции были полотна Рубенса, Антониса ван Дейка, Лукаса Старшего. Собирал он и иконы, предпочитая раннее средневековье. Одна из икон — «Умиление», значившаяся в списках под четвертым номером, приписывалась евангелисту Луке. Восемь похожих икон находилось в Риме, еще двадцать в музеях и частных коллекциях в Европе. Интересно, какую сумму выложил бы ему Ватикан, если бы однажды он захотел ее продать?

Постояв немного перед иконой, где Божия Мать прижимает к груди младенца, и, попросив у святыни прощения за крамольные мысли, Феоктистов подошел к зеркалу и невольно поморщился — новый костюм ему не нравился. Сняв с себя пиджак, он набросил старый, привычный. С возрастом Потап Викторович обнаружил в себе некоторую странность: он срастался со старыми вещами, будто бы с кожей, а потому избавлялся от них лишь в том случае (и то по настоянию Надежды), когда обнаруживались изрядные потертости. Не вмешайся супружница в его гардероб, так и носил бы каждую из рубах до тех пор, пока материя

не стала бы расплзаться от ветхости на куски. Такую привязанность понять мог только он сам.

С каждой из вещей у Феоктистова связаны собственные воспоминания. В сером костюме, который он проносил без малого девять лет, были приобретены две иконы Рублева. В черных штанах, слегка заштопанных на коленях, он раздобыл автопортрет Дюрера, отдав за него (можно сказать, чисто символическую сумму) каких-то двадцать тысяч долларов. И такие штаны в мусорный бак? Да ни за что на свете! Но особо любимой была его черная рубашка, подаренная женой лет пятнадцать назад. Именно в ней он приобрел значительную часть своей коллекции, куда входили два полотна Сандро Боттичелли и одно Франческо Мельци. Месяц назад замечательная рубашка порвалась сразу в двух местах: у накладного кармана пошла по швам, а на левом локте протерлись нитки. Спасти рубашку могла только тотальная реставрация, но против этого решительно запротестовала жена, заявив: «Чего смешить людей! Только через мой труп!» Убивать ее, естественно, не хотелось, кроме того, в ее словах присутствовала сермяжная правда: выглядеть он будет нелепо, если где-то в гостях придется скинуть пиджак. Единственное, что он сумел отвоевать, — это небольшой кусочек материи от своей любимой рубашки, и теперь складывал его во внутренний карман пиджака «на удачу» перед важными сделками или встречами.

Сегодняшний день был именно таковым. Достав из яшмовой шкатулки черную тряпицу, аккуратно прошитую по сторонам суровыми нитками, Потап Викторович вчетверо свернул ее и положил во внутренний карман. Затем поднял трубку телефона, позвонил в